

К ЧИТАТЕЛЮ

«Ах! Франция! Нет в мире лучше края!» К этому взвизгу душевному грибоедовской барышни с чистой совестью присоединились бы многие поколения русских людей. Конечно же, и нынешнее поколение. Несмотря на то, что, в отличие от нескольких предыдущих, которые полжизни бы отдали, лишь бы хоть на карачках вскарабкаться на Эйфелеву башню — оно может любить возделенную страну не только платонически. Не только как царство мечты, возведенное на фундаменте из книг, кинофильмов и репродукций. Теперь что — купил путевочку, выправил визу, и, пожалуйста, на randevу. Ну, прямо как в самодержавной России.

Только вот возвращаются люди, переполненные самыми яркими впечатлениями — и заодно с хвастливыми восторгами отпускают всякие шуточки. Типа того, что «Франция, конечно, расчудесна, только если бы там еще и французов не было — совсем бы хорошо». Что такое? Да вот, и буржуазны они чересчур: расчетливы до мелочности, эгоистичны. И к пришлой публике не очень-то добросердечны, порою раздражительны. Хотя не без достоинств: выпить не дураки, по амурной части — на уровне своей славы, рожи жизнерадостные.

Но, господа-товарищи, есть ведь что и возразить. Во-первых, уж кому-кому, а не нашим в смертных грехах народившимся новорусским загребалам, и тем более не тем, кто у себя дома на них налюбовался, на чужих буржуев квакать. А во-вторых, и в самых главных: если народ соединяет в себе массу самых противоречивых свойств, которые и с плюсом, и с минусом, и с неопределенным знаком — разве это не свидетельство его, по меньшей мере, высокой незаурядности?

Буржуазность? Ее отнюдь не стыдился сам император Наполеон. По собственным признаниям, он и всю свою политику строил в

расчете на вящую прибыль отечественной коммерции и промышленности. Но это на словах. А вот летят в порыве безудержной храбрости (тужур!) на огнедышащий вулкан багареи Раевского плотные массы французских кирасир — как летели до этого в десятках других сражений. Сколько их там вернется из этого пекла, многим ли доведется, хотя бы в преклонных летах, напялить теплый домашний колпак и подсчитывать проценты с ценных бумаг? «Гусар, доживший до тридцати лет, это не гусар, а дерьмо». Этот афоризм изрек маршал Ланн, не постеснявшийся, однако, дожить до сорока — когда ему оторвало ноги австрийским ядром. Его великий начальник тоже любил афоризмы. «Хороший государственный служащий не должен доживать до пенсии». Сам-то он до пенсии дожил — до острова Святой Елены. Хотя враги еще в 1813 году предлагали ему похорошему угомониться и мирно сосуществовать в довоенных границах. А он — ни в какую.

Не мелочны и не расчетливы были защитники баррикад, моряки дальнего плавания, вспыльчивые дуэлянты — невольники чести с аристократическим тиком... Хотя порою действительно — поглядит по сторонам в спокойную пору в тихом городке путешественник, и признает: нет страны более буржуазной.

Тому же стороннему наблюдателю французы покажутся иногда взбалмошными позерами. «Мне надо сосредоточиться», — они и это произнесут, эффектно рисуясь. Не верится, что вслед за этим можно нырнуть на какую-то душевную глубину. Но чего достигли французские гении вот так вот театрально сосредоточась — надеюсь, рассказывать не надо. Мы же с вами интеллигентные люди...

А возьмите эротизм французов. Какая такая неземной силы, всеобъемлющая любовь светилась, по свидетельствам всех очевидцев, в глазах святой Орлеанской Девственницы Жанны д'Арк — та любовь, что взвела ее на костер? Соглашусь, что это пример слишком высокий. Но представляется, что не запросто, а как-то по-особенному, одухотворенно поднимались из теплых постелей, от сладко посапывающих возлюбленных, Антуан де Сент-Экзюпери и его бесшабашные товарищи-летчики — и усаживались за штурвалы тщедушных почтовых самолетиков. На которых перелететь океан и перевалить через Анды вероятность не больше, чем у маркиза вернуться с дуэли.

Миллионы подобных примеров, из которых следует фундаментальный вывод: в высших своих проявлениях любовь француза сама ищет соседства со смертью. Так повелось с незапамятных времен, когда еще и французов не было, а были галлы (кельты).

«Любовь (имеется в виду сексуальная. — А.Д.) и голод (или жадность. — А.Д.) правят миром». Хорошо сказано (кажется, кем-то из приверженцев психоанализа). Возможно, действительно правят. Значительной частью мира и значительной частью французов. Но не миром и тем более не Францией. Потому что были и те, кто, раздираемые своею противоречивостью, породили несравненную французскую культуру и разыграли великую драму французской истории.

О-ля-ля!

Провинции Франции на празднике «Юманите» (Ж. Эффель)

ДРЕВНЯЯ ГАЛЛИЯ

ПРАИСТОРИЯ

Так кто же они, французы? В прямом смысле — вопрос, конечно, глупый, потому что ответ бездонен, а значит, отсутствует. Но, по крайней мере, откуда они взялись?

Была такая индоевропейская общность народов. Пару десятков тысяч лет назад (может, больше, может, меньше) стала складываться где-то в бескрайних степях и лесостепях Евразии. Где именно — разброс мнений так же широк, как степи — от северного Причерноморья до южных отрогов Гималаев. Но где бы то ни было, у некоей совокупности племен сложился общий язык — праиндоевропейский (лингвистам и историкам удалось реконструировать нечто правдоподобное). Схожие культуры, схожие верования. Не одинаковые, конечно. И о каком-то политическом единении речь не идет, разве что о сосуществовании в близком и тесном соседстве племенных союзов (не без периодического мордобоя между собой, разумеется).

Потом эта общность стала растекаться по белу свету. Кто-то ушел в Индию — позднейшая наука окрестила их индоариями. Кто-то, чтобы далеко не ходить, осел на Иранском нагорье и в его окрестностях (древние иранцы). А значительная часть двинулась на запад, в сторону Европы — с ответвлениями на Кавказ, в Малую Азию, на Ближний Восток.

Впрочем, это было рассредоточение очень предварительное. Потом кого куда только не носило. И общность та превратилась разве что в языковую, в одну из самых крупных языковых семей. Хотя скажи людям попроще, к примеру, из таджиков, армян и датчан, что у них в языке много общего — подумают, что над ними шутят. Уж очень разные были судьбы у индоевропейцев — на марше и на новых местах.

Западный поток можно как-то отследить по письменным источникам других народов. Так что известны имена племен, племенных объединений, а то и государств. Есть и хронологические наметки. К XVIII веку до нашей эры в Восточной Анатолии (ныне — азиатская Турция) стало образовываться Хеттское царство. Освоившись на новом месте, хетты все шире стали расправлять плечи и выше задирать нос — в XIII веке до нашей эры видим их атакующими египетские владения в Сирии, где их с большим трудом сдержал фараон Рамсес II. Но — немного столетий спустя Хеттское царство само сделалось жертвой завоевания. Отличились загадочные «народы моря» — предположительно, сброд со всего Средиземноморья, но стержнем его, скорее всего, были греки (тоже индоевропейцы). Эти надолго закрепились на Ближнем Востоке под именем филистимлян, и Палестина — топонимическая память о них (это будто бы их, согласно Ветхому Завету, крушил ослиной челюстью еврейский командос Самсон). Что удивляться, сброд в определенных обстоятельствах бывает весьма конструктивен. Непотребное разноплеменное скопище основало Рим (чего стоит бандитское «похищение сабинянок» — во время праздника, на который специально звали ради такого дела соседнее племя). И, сделав предусмотрительные оговорки, спросим: а что, собственно, такое Соединенные Штаты Америки?

С IX века до нашей эры известно государство Урарту, созданное предками армян — сначала на Армянском нагорье. Потом оно вошло в боевое соприкосновение с Ассирией в Месопотамии и поближе к Средиземноморью (кстати, в средние века Великая Армения простиралась до Ливана включительно).

В XIV веке до нашей эры проявляет себя ахейское (древнегреческое) Микенское царство, а за сотню лет до этого ахейцы проникли на Крит и изрядно подкосили процветающую там прекрасную мийскую цивилизацию — правда, при этом взяли из нее много хорошего.

Наверное, где-то в эти же времена греческие племена (не только ахейские) ушли на Балканы, латинские на Апеннинский полуостров. В Подунавье, в Прикарпатье и в очень широких их окрестностях, вплоть до Среднего Днестра и Вислы, расположились славяне. Балты, как можно догадаться, взяли курс на восточную Прибалтику (кто дошел — стали предками латышей и литовцев, но дошли не все: отставшие, кто уцелел, были ассимилированы, по большей части славянами).

Рейн, Скандинавия — стали опорными географическими координатами драчливых германцев. И не обидели себя землицей размес-

тившиеся как поблизости от них, так и в дальнем отдалении племена кельтов. Они больше всех интересны для нас, потому что кельты — это в том числе и галлы, а галлы — это этническая основа (субстрат) будущих французов.

Вот в самом общем виде картина расселения индоевропейцев по Европе и Средиземноморью.

* * *

*Кельтское изображение
быка на камне*

Кельты — это тоже понятие широкое и многообразное. Опять же, множество племен с разными судьбами. Но с родственными языками и культурой.

Ареал их расселения необыкновенно обширен. Британские острова, север и запад Пиренейского полуострова, Галлия (по-нынешнему: Франция, Бельгия, Нидерланды, южная Германия, Швейцария, Северная Италия), Богемия (Чехия), земли по Дунаю (там, где теперь Австрия и Венгрия), Балканы (Болгария).

По ходу истории еще и не туда заносило. В Малую Азию (племя галатов — им адресовал одно из своих посланий апостол Павел. В Турции и сейчас бытует название области Галатия. И команда футбольная есть «Галатасарай»). В Бессарабию, в Прикарпатье (есть даже версия, что «Галиция», «Галич» — от галлов. Но это скорее что-то из разряда раннего оранжевого бреда).

Такое глобальное расселение кельтов объясняется во многом тем, что они очень быстро множились и постоянно были заняты поиском плодородных земель. Каждый год наступала «священная весна»: пора, когда юноши-разведчики отправлялись присматривать места для новых поселений. Переселялись роды, общины, племена — вплоть до Малой Азии, как мы видели.

* * *

Теперь о галлах — о племенах, расположившихся от Пиренеев и южных альпийских предгорий до Рейна. О них сведений не очень много. «Отца истории» Геродота, несравненного информатора о древ-

них народах, увы, тянуло все больше на Восток. У него читаем о египтянах, скифах, персах и прочих, а по интересующему нас вопросу всего лишь: «Кельты же обитают за Геракловыми Столпами по соседству с кинетами, живущими на самом крайнем западе Европы» — это он, надо думать, об иберийских кельтах, о галлах же — вообще ни гугу.

Первая развернутая информация о галлах появляется в связи со знаменитыми событиями IV века до нашей эры, когда «гуси Рим спасли». И где-то тогда же появился этноним «галлы»: от латинского «петухи». Забияки, любители эффектного и яркого.

Подробнее всего можем прочесть об этом у Плутарха, в жизнеописании римского полководца Камилла, который отразил нашествие галлов на свой родной город. Из этих страниц можем почерпнуть много примечательного, в том числе кое-что о довольно продолжительном предшествующем периоде.

Великий историк пишет о галльских племенах, расселившихся между Пиренеями и Альпами, т. е. по средиземноморскому побережью: «Спустя долгое время им удалось в первый раз попробовать вина, привезенного из Италии. Вино так понравилось им, все так обрадовались новости испытанного удовольствия, что вооружились, взяли с собой родных и двинулись по направлению к Альпам, ища землю, которая производит такие плоды. Всякую другую они считали неплодородной и невозделанной».

Далее, что присуще Плутарху, следует довольно анекдотическая, зато занятная подоплека такого разворота событий. Оказывается, вино галлам не без намерения привез этруск Аррунт (Этрурия — в северной Италии), у которого перед этим на родине самым подлым образом отбил жену молодой богач Лукумон. Лукумон был сиротой, жил у Аррунта как у опекуна, и вскоре отблагодарил за все хорошее — завел шашни с его женой. Дошло до того, что любовники не хотели уже соблюдать никаких приличий и ничего не скрывали. Опекун обратился в суд, но, как во всяком цивилизованном обществе (этруски жили именно в таком), очень многое решали деньги. Кончилось тем, что Аррунта же и приговорили к изгнанию.

Тогда несчастный муж устроил галлам помянутое угощение и заодно намекнул, где такой благодати вдоволь. Галлы двинулись в страну этрусков, раскинувшуюся между Альпами и побережьями Адриатического и Тирренского (Этрусского) морей. Страна была сплошным садом, с огромными пастбищами, обильно орошаемая реками. Там были большие города, приспособленные для безбедной, роскошной жизни. Галлы вломились туда, отеснили прежних хозяев и зажили в свое удовольствие среди вожделенных виноградников.

Бронзовый кабан

Через какое-то время, то ли расплодившись, то ли еще почему, пришельцы двинулись еще дальше и осадили очередной этрусский город — Клузий. Клузийцы отправили гонцов в Рим, умоляя избавить их от варваров.

Римские посланники явились в стан осаждающих, попросили объяснить, за что они ополчились на этот город. И тогда галльский вождь Бренн изрек с ухмылочкой знаменательные слова (или это сло-

ва самого Плутарха — но все равно они очень содержательны как характеристика эпохи): «Клузийцы обижают нас: они могут обрабатывать только небольшую часть своей земли, но хотят владеть большею. Мы иноземцы, нас много, мы бедны, а они не хотят поделиться с нами. Так и вас, римляне, обижали раньше альбанцы, фиденцы, ардейцы, теперь же обижают вейцы, капенцы и многие из племен фаллисков и вольсков. За это вы объявляете им войну — и если они не уступят вам части своих владений, обращаете в рабство, грабите их землю, разрушаете города.

Но вы не делаете ничего дурного и несправедливого: вы следуете лишь древнейшему из законов, закону, на основании которого собственность слабого принадлежит сильному — начиная от бога и кончая животным. Природа внушила сильнейшему иметь больше, нежели слабейшие. Полноте жалеть осажденных клузийцев, иначе вы научите галлов, в свою очередь, жалеть, сострадать тем, кого обижают римляне».

Дедушка Крылов выразил это более кратко и емко: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Дальнейший разворот событий был быстрым. Римские послы проникли в Клузий, стали ободрять горожан на дальнейшую оборону — ясно было, что миром кончить дело не удастся. Произошла очередная стычка под стенами города, один из послов ввязался в нее, убил знатного галла и снял с него доспехи. Сородичи убитого узнали его, и «казус белли» был исчерпывающий: «римлянин нарушил общие, чтимые всеми людьми права и законы — явился в качестве посла, ведет же себя, как неприятель». Бренн снял осаду с Клузии и повел войско на Рим.

Далее — первое сражение. Римляне разгромлены, галлы идут прямо на их столицу. Защищать город практически некому, жители

покидают его. Только небольшой отряд воинов и наиболее патриотично настроенные из граждан укрываются в крепости на вершине высокого и крутого холма Капитолия.

Да еще совершают подвиг седобородые старцы-сенаторы: усаживаются в своих креслах из слоновой кости на Форуме, на ступенях перед зданием Сената. Сидят недвижно, с длинными посохами в руках. Ворвавшиеся в город галлы поначалу опешили: не статуи ли это на самом деле? Но вот один из захватчиков решился наконец — дернул старика за бороду. Тот огрел негодея посохом, в ответ — смертельный удар меча, и все героические старики были перебиты.

Капитолий осажден наглухо, положение тяжелое, голод. Тем временем римским диктатором избирается опальный (из-за внутренних дряг) полководец Камилл. Но он требует, чтобы избрание, в соответствии с традицией, подтвердили посаженные на Капитолии: сейчас это единственные полноценные граждане Рима, все остальные — изгнанники.

Одному юноше удается проникнуть в твердыню по почти отвесной скале, получить требуемое подтверждение и вернуться обратно. Камилл начинает готовить войско.

Но галлы заметили на глинистом склоне холма следы того, что здесь кто-то сумел взобраться. А где вскарабкался один — куда легче будет многим, помогая друг другу. И темной ночью враги безмолвно полезли по круче. Удача: они уже на стенах, а изможденная стража мирно дрыхнет. Но — на Капитолии находились священные гуси из храма Юноны. Гусь и так птица беспокойная, а от голода — тем более (они разделяли общую участь, хорошо еще, что самих не съели — побоялись гнева богини). Птицы загоготали, побежали к налетчикам — может быть, надеясь на подачку. Защитники очнулись, ринулись в бой, галлы полетели вниз. Вослед им — проштрафившийся начальник караула. «Гуси Рим спасли».

Но голод лютый, мочи уже никакой, с внешним миром связи нет. Осажденные начали переговоры о сдаче.

Договорились об огромной контрибуции — тысяче фунтов золота. Стали выносить из крепости сокровища, принялись взвешивать. Галлы сначала жульничали втихую, надавливая на весы. Римляне заметили, возмутились. Тогда Бренн выступил в своем амплуа: отстегнул меч и бросил на чашу с гириями. Осажденные вознегодовали: «Что это значит?» А в ответ — крылатая фраза, обращенная ко всем последующим векам: «Что же другое, как не горе побежденным?!» Но тут, как положено в хорошем фильме, подоспел Камилл со своей ратью (перед этим перебившей большой вражеский отряд, осаждающий город Ардею: галлы перепились на сон грядущий).

Диктатор прекратил процедуру, заявив, что римляне привыкли спасать отечество железом, а не золотом. У Бренна хватило наглости возмутиться на нарушение договора, но последовали битва, славная победа римлян и изгнание пришельцев.

КОГО ЗАСТАЛ ЦЕЗАРЬ

Сведения Плутарха, как они ни интересны, мало говорят нам о галлах как таковых: разве что они были воинственны, легкомысленны, любили выпить и у них были вожди со своенравным характером.

Самое полное описание Галлии и галлов дал в середине I века до нашей эры великий ее завоеватель — римский полководец Гай Юлий Цезарь (102—44 годы до нашей эры) в своих «Записках о Галльской войне». Некоторые сведения оставили нам Тацит и другие римские историки — правда, в их годы Галлия была уже нивелированной провинцией империи. Что-то находим у византийских авторов. Много и хорошо поработали археологи. Картина складывается следующая.

Галлия состояла из нескольких явно выраженных частей. Цизальпийскую Галлию — ту, что «по сю сторону Альп» (если смотреть с итальянской колокольни), лежащую на этрусских в прошлом землях, римляне называли еще «Галлия тогата», или «одетая в тогу». Ее обитатели рано попали под власть Рима и были почти полностью романизированы — усвоили латинский язык, восприняли культуру. Они первыми из неиталийцев получили права римского гражданства, со временем знать даже стала избираться в сенат. Правда, сказать, что здесь полностью переняли римские обычаи, римский образ жизни, нельзя — что-то от исконного племенного уклада сохранилось. Тем не менее «галлы, одетые в тогу», по большому счету, вне римской державы себя не мыслили. Их знать, копируя рабовладельческие повадки римских патрициев, видела в этом свидетельство своего подлинного величия, а не «утрату национального достоинства».

Нарбоннская Галлия (юг и юго-восток нынешней Франции) тоже шла по пути романизации, но ко времени Цезаря продвинулась по нему не так далеко: она попала в зависимость от Рима незадолго до начала Галльской войны. А когда попала, стала называться Провинцией (отсюда происходит «Прованс»).

Наконец, Трансальпийская (Заальпийская) Галлия, или «Галлия косматая», «Галлия, одетая в штаны». Та Галлия, что до середины I

века до нашей эры гуляла сама по себе. Это почти вся современная Франция, Бельгия, часть Голландии, Швейцарии, левый берег Рейна. В ней, в свою очередь, различали несколько частей. Юго-Западная, между Пиренеями и рекой Гаронной, была населена племенем аквитанов (почему и известна до сих пор как историческая область Аквитания). Аквитаны были не чистыми кельтами, они изрядно смешались с уроженцами автохтонных иберийских племен (исконно проживавшими здесь неиндоевропейцами). Центральную часть занимали чистокровные галльские племена. На востоке, где сейчас приальпийские кантоны Швейцарии, жили гельветы — как и аквитаны, вобравшие в себя кровь древних местных народов. На севере, между Секваной (Сеной) и Рейном стационарным боевым лагерем расположились племена белгов. Они вели непрекращающуюся войну с зарейнскими германцами.

С германцами в теснейшем контакте находились и многие другие племена, особенно на севере и востоке Галлии. С одной стороны, это были беспокойные соседи, да и галлы зачастую были не прочь их побеспокоить. Но, с другой стороны, существовали и более конструктивные взаимовлияния — политические, экономические, культурные, религиозные, родственные, наконец. Так что давно отмечено значительное сходство жизненного уклада германских и галльских племен. Насчет белгов до сих пор ведутся споры, кто они в большей степени — германцы или кельты. А нацистские измерители черепов установили, что у обитателей северной Франции более выраженные нордические черты, чем у немцев.

Влияние античной цивилизации этрусками и Римом не ограничилось. С давних пор (около 600 года до нашей эры) в Галлии обосновалась греческая колония Массилия (современный Марсель). Долгое время поддерживались отношения с Карфагеном: этот могучий финикийский город-государство имел владения на Сицилии и на Пиренейском полуострове (но к концу III века до нашей эры был повержен Римом).

Многообразны были связи с родственными кельтскими племенами, особенно теми, что за Ла-Маншем — на Британских островах. Самого высокого уровня культуры достигли тогда ирландцы.

* * *

Во времена Цезаря галльское общество было уже резко неоднородным. Вот что читаем в его «Записках»: «Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держится на положении

рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какие собрания. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами. Вышеупомянутые два высших класса — это друиды и всадники».

Всадники — племенная верхушка, представители сильных родов. Те, кто мог позволить себе воевать на коне (по этому признаку выделялась знать многих народов. Впрочем, галльская кавалерия хоть и использовалась впоследствии в римской армии, но ставилась ниже германской, тем более фессалийской и сирийской).

Из этих аристократов образовывались советы старейшин, выдвигались племенные и военные вожди. Это были вроде бы и выборные должности, но интриги, закулисная, а то и силовая борьба при избрании были не менее острыми, чем в Риме в худшие времена. Каждый всадник был окружен свитой зависимых от него амбактов (по римским понятиям — клиентов) и рабов. Они и были одним из главных орудий борьбы за влияние и власть.

Правда, Цезарь, возможно, несколько сгустил степень отчуждения социальных слоев, на самом деле их отношения были более патриархальными — что, как правило, наблюдается в сообществах, недалеко ушедших от родоплеменных. Но чисто формально римский клиент, к примеру, отличался от своего галльского собрата тем, что не только сам принимал обязательства по отношению к господину, но и тот отвечал ему тем же. Обедневший же галл поступал в услужение без всяких договорных условий — на его стороне могло быть только обычное право.

* * *

Мы видим, что заносчивость и задиристость «петухов»-галлов были отмечены римлянами уже при первой серьезной встрече. Позднее и греки, и римляне отмечали их как черту национального характера: галлы «страшно сварливы». Сцепятся, к примеру, два соседа, и тут же, глядишь, в схватку вступают и жены. «Которые сильнее их и голубоглазы... целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнут они наносить удары не слабее ударов катапульты... Голос у большинства звучит резко и угрожающе, спокойно ли они говорят или сердятся».

Галльская знать, следуя своему темпераменту, постоянно вела междуособные стычки: это было образом жизни аристократов. Уметь

биться и достойно встречать опасность и гибель считалось высшей доблестью. И с боем взять у соседа то, что нравится, — тоже.

Со временем знатные господа для набегов и обороны перестали ограничиваться услугами своих вооруженных клиентов — те большую часть времени были заняты по хозяйству, а потому войками были неважными. Стали обзаводиться постоянными дружинами, члены которых тоже становились своего рода знатью.

В таких условиях народное собрание простых общинников мало что могло значить: оно сходилось все больше для проформы, потому что «так повелось». В основном все заранее решали советы знатных людей. На них им худо-бедно приходилось договариваться и по поводу своих усобиц. Хотя бы потому, что для выяснения внешнеполитических отношений требовались совместные действия: межобщинные, межплеменные, а то и более глобальные столкновения происходили постоянно.

Такие условия существования определяли характер галльских сельских поселений. Археологи часто находят группу строений, окруженных дубовой стеной и валом — это было жилище местного сильного человека и его присных. Здесь же могло укрыться все окрестное население со своим скотом. Случалось, что крестьянские поселения, разрастаясь, сами обзаводились стенами — становились тем, что спустя века получит название «бургов». Но было еще и довольно много свободных землепашцев и скотоводов, живших обособленными «большими семьями».

Удивительно, что при таком уровне конфликтности Галлия была высокоразвитой страной, богатой и густонаселенной. В ней проживало, по разным оценкам, от 15 до 20 млн. человек — плотность населения была близка к итальянской. Хотя велики были различия между отдельными племенами — как в материальной культуре, так и в общественном устройстве. При этом не следует преувеличивать римское или греческое влияние. Галлы и сами достигли многого, так что некоторые прирейнские племена могли быть более «продвинутыми», чем те, что поближе к Средиземноморью.

*Галльский лучник
(бронза)*

Сельское хозяйство во многих отношениях даже превосходило италийское. Галлам были знакомы колесный плуг, коса, жнейка. Наиболее ценными домашними животными (помимо коня, разумеется) у них считались свиньи. Свинопасы были в почете, ими были даже всеми почитаемые герои эпоса. И в цене были дубовые рощи — в них хрюшки нагуливали на желудях сало.

* * *

Главными центрами общественной, культурной и экономической жизни племен были «дунумы» — города, крупнейшие из которых занимали площадь в несколько квадратных километров. Их окружали мощные «галльские стены» — сложные конструкции из толстых деревянных балок, скрепленных длинными железными гвоздями.

Дунум состоял обычно из нескольких кварталов, разделенных улицами. Отдельно жили мастера по металлу — кузнецы и литейщики. Владение металлом было у галлов на высочайшем уровне, они давно были знакомы с железом и добывали его в рудниках. Мы и о галльском изобразительном искусстве судим по неплохо сохранившимся до наших дней металлическим изделиям. Зачастую они украшены сложными узорами, из которых возникают не то люди, не то фантастические существа; или более реальные, но тоже замысловато стилизованные звери. Люди — пучеглазые, удивленно вззирающие, иногда с завывающими в огромные кольца невероятными усами.

Для нужд металлистов были устроены специальные подземные водоводы. Мастерские, построенные из бревен и глины, были заглублены, дверь выходила на улицу — изделия продавались по месту их появления на свет.

В других кварталах жили ювелиры, стекольщики, гончары. Мастера по дереву строили большие и малые суда, изготавливали разного рода повозки, искусно владели бочарным ремеслом. Кожа, текстиль — все это с успехом производилось и выделялось в Галлии.

В особом «рыночном» квартале велась оживленная торговля — как внутренняя, так и внешняя: с Массилией, Карфагеном, этрусками, Римом. Было уже развито денежное обращение (хотя единой общегалльской монеты не было).

Отдельно располагались городские усадьбы богатых и знатных галлов — большие дома из дерева и камня, в которых могло быть до тридцати комнат с крытым двором в центре. Если простые горожане жили большей частью под соломенной крышей, то кто посостоятельнее могли позволить себе римскую черепицу.

Племенным центром племени паризиев была Лютеция на Секване (Сене) — думаю, не надо объяснять, во что этот дунум со временем разросся.

* * *

Особая статья и предмет особого интереса еще одно правящее сословие — друиды. Жрецы, на которых почти полностью держалась религиозная жизнь галлов, носители и творцы духовной культуры и в то же время люди, обладающие огромным социально-политическим влиянием.

Слово Цезарю: «Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии. К ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно: они выносят приговоры по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах — решают друиды. Они же назначают награды и наказания, и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают вести разговоры с ним, чтобы не нажить беды, точно от заразного...

Во главе всех друидов стоит один, который пользуется величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием...

Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательно с нею познакомиться, отправляются туда же для ее изучения».

Друиды были, как видим, цементирующей силой всего галльского общества, именно благодаря им поддерживалось чувство «галльского единства». Каждый год они собирались в одном из священных мест. Обычно это была дубовая роща в области племени карнаутов — поэтому считалось, что там находится как бы центр Галлии. После тайных обрядов и жертвоприношений, в том числе и человеческих, решались вопросы как духовные, так и вполне земные — по любому вопросу как межплеменной, так и частной жизни. Любой галл мог обратиться со своими нуждами к верховному собранию друидов.

Бог неба Таранис

Друиды были советчиками, предсказателями, толкователями снов, врачевателями. Они могли предотвратить кровопролитие, встав между двух изготавившихся к битве яростных воинств.

Особая сила друидов была в том, что многие из них жили среди прочих людей. Имели свой дом, семью, могли даже отправляться на войну как простые воины. Такие жрецы были во всех общинах.

Принадлежность к друидам не была наследственной. «Лучшие юноши народа» готовились к жреческому поприщу путем длительного обучения. Знания свои друиды никогда не записывали, а передавали их только в устной, скорее всего поэтической форме — отчето обучение растягивалось иногда на 20 лет. Ученики жили со своими

наставниками уединенно — в пещерах, в лесных чащах.

Что касается науки друидов, то в древности бытовало мнение, что главная мудрость перешла к ним от Пифагора и его последователей. Все может быть, хотя это довольно сомнительно. Однако аналогии провести можно. Вспомним, что пифагоризм — это в первую очередь мистика чисел. Числовые соотношения — источник гармонии космоса, одним из проявлений которой является и музыкальная гармония («пифагоров строй»). В религиозных обрядах кельтов большое значение придавалось музыкальному сопровождению (любимым инструментом была арфа). Вера в бессмертие души — основа галльской религии. Эту веру особенно старательно внушали друиды своим ученикам — чтобы те, в свою очередь, укрепили ее во всем галльском народе. Хотя бы для того, чтобы воины шли в бой, не боясь смерти.

Где-то за океаном, далеко на западе, на закате солнца раскинулись таинственные «острова блаженных» — Эмайн-маха. Там среди прекрасных деревьев и цветов, среди журчащих чистейших ручьев ведут безбедное существование души усопших — тех, кто оказался достойным этого. Там вечный пир, там прекрасная музыка... Могут попасть туда, — и даже вернуться оттуда обратно, — и живые, как

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 5

Древняя Галлия

Праистория	8
Кого застал Цезарь	14
Соседи-германцы	24
Первое завоевание Галлии	29
Великое галльское восстание	37
Начало империи	47
Золотой век империи	51
Натиск варваров. Кризис III века	55
Доминат — твердая власть на пепелище	63
Константин Великий	66
Гибель империи	72

От Галлии к Франции

Начало Меровингов	95
Хлодвиг	97
Потомство короля Хлодвига	110
В королевстве франков	117
Зрелость Меровингов	126
Короли обленились. Да здравствуют майордомы!	136
Карл Великий	140
Империя после Карла	156
Новые волны нашествий	162
В соседних королевствах	170

Мир классического Средневековья

На старте второго тысячелетия	177
Феодализм	179

Что могут короли?	188
Крестьяне	191
Заря урбанизации	194
О города, о нравы...	198
Высокая культура	218
Абеляр и Элоиза	224
Религия и жизнь	228
Европа накануне великих дел	
Франция — начало династии	235
Норманнский дух	240
Бросок за Ла-Манш	241
Великая схизма	247
Клюнийский Рим	248
Эпоха крестовых походов	
Ко Гробу Господню (Первый крестовый поход)	254
На Святой земле	265
Второй крестовый поход	270
Что упало — то пропало (Третий крестовый поход)	275
Захват Константинополя	281
Альбигойские войны	284
Пятый и шестой крестовые походы	289
Франция становится собой	
Филипп II Август, архитектор будущего, и сын его Людовик Лев	292
Людовик Святой, последний король-крестоносец	302
Филипп IV Красивый — железный живодер	315
Проклятые короли	326
Столетняя война	
Пролог на островах	330
Началось...	334
Иоанн Добрый и Черный Принц	339
Пока не пришла Дева	348
Спасение	356
Карл VII на войне и в мире	360
В эпоху Возрождения	
Людовик XI — домовитый лис	365
Запутанное престолонаследие	385

Король Франциск I и император Карл V. Начало Реформации	393
Шерше ля фамм (время Генриха II)	410
Религиозные войны	
До и после Варфоломеевской ночи	423
Он славный был король	436
Абсолютные Людовики	
Кардинал Ришелье и Людовик XIII	447
Король-Солнце	457
Галантное увядание (Людовик XV)	486
Прелюдия к Марсельезе	497
Великая Французская революция	
Бедный, бедный Людовик... ..	515
Страна перед выборами	520
Попытка демократии (от штатов к Конвенту)	524
Свержение монархии	539
Королевская голгофа. Якобинская диктатура	541
Термидорианский конвент	556
Бессмертная эпопея	
Корсиканское чудо	564
Со знаменем республики — под картечь	570
Экскурсия к пирамидам	579
Первый консул	586
Победы империи	607
Испанская трагедия	622
Опять на Вену	626
На пике могущества?	631
Московский поход	635
Предпоследний акт	649
Сто дней	660
Еще полвека монархии	
Реставрация Бурбонов	673
Июльская революция	682
Луи-Филипп — король буржуазии	684
Революция 1848 года	696
Вторая империя	705

Новая Франция

Старт Третьей республики	723
Дело Дрейфуса	729
Милитаризм и колонии	732
«Бель-эпох» (Прекрасная эпоха)	737
Первая мировая война	746
Страна приходит в себя	765
Благополучные «безумные годы»	771
Экономический кризис и угроза фашизма	777
Народный фронт	781
Предвоенные годы	788
Вторая мировая война	792
Четвертая республика	809
Голлистская Франция	826
Май 1968 года	836
Сорок лет в придачу	842
Список использованной литературы	858